

Нейтон Патчер

РЫНОК УКРАДЕННОГО ВРЕМЕНИ

Сон как валюта



Нейтон Патчер

**Рынок украденного
времени: Сон как валюта**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Рынок украденного времени: Сон как валюта / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Ты ложишься в капсулу, играешь, просыпаешься разбитым и думаешь, что сам виноват. Но в скрытых логах игры Артём Соколов находит другое: ускоренные академии, крафтовые мастерские, фермы редких трав и строительные инстансы оплачиваются не только золотом. Коалиция списывает микродоли сна, памяти и восстановительного ресурса у игроков, которые даже не знают, что стали донорами времени. Артём владеет Суверенным Данжем и находит альтернативу - честное время. Оно не крадёт чужую ночь, но старит комнаты, ломает ловушки, оставляет память монстрам и требует видимого согласия. Такая модель медленнее, дороже и опаснее для самого данжа. А Коалиция уже готова доказать: без украденного времени города не успеют построить стены. Системное ЛитРПГ о данже, капсулах, крафте, корпорациях и цене прогресса, которую слишком долго прятали от игроков.

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Академия за одну ночь	5
Глава 2. Пул украденного сна	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нейтон Патчер

Рынок украденного времени: Сон как валюта

Глава 1 Академия за одну ночь

Ученик вошёл в ворота академии с руками подмастерья.

Это было видно сразу, даже через торжественный шум площади, через блеск коалиционных штандартов, через плотное сияние временного купола, накрывавшего здание из белого камня. Руки у парня были неловкие, слишком быстрые и слишком пустые. Он держал кожаную папку с контрактом так, будто боялся измять не бумагу, а собственное право здесь находиться. Пальцы то и дело соскальзывали с ремешка. Большой палец на левой руке был обмотан серой тканью — свежий порез, ученическая ошибка при заточке резца или правке тонкой пластины.

Артём стоял у края наблюдательной террасы и смотрел именно на этот палец.

Внизу площадь Академии Семисот Тридцати Дней жила чужим праздником. Игроки из гильдии «Латунный Восход» заполнили первые ряды. Их плащи отливали бронзой, на груди горели одинаковые эмблемы с тремя зубцами. Над головами плавали интерфейсные метки: уровень, ранг, доля в выпускном контракте, право первичной покупки навыка. За ними теснились торговцы, крафтовые брокеры, представители ремесленных домов, два городских эmissара и десятки простых зрителей, которым дали бесплатный доступ на церемонию ради красивой трансляции.

Коалиция умела продавать чудо так, чтобы у зрителя не оставалось сил спросить цену.

Над воротами академии светились слова:

«Полный мастерской цикл за одну ночь реального времени».

Под ними медленно вращалась печать Хроноакцизной палаты: часы без стрелок, сжатые в кулак.

Парня звали Тавен. В интерфейсе он проходил как NPC-подмастерье третьего ранга, специализация — тонкая артефакторная сборка, коэффициент обучаемости выше среднего, долговая нагрузка семьи — высокая. Последняя строка была скрыта для зрителей, но Суверенный Данж Артёма давно научился видеть то, что платформенные витрины не любили выставлять наружу.

Тавен остановился перед главным наставником академии. Тот был высоким, сухим, в безупречном синем мундире с серебряным кантом. Ни пыли на сапогах, ни следа чернил на манжетах, ни одной ремесленной мелочи, которая выдавала бы человека, работавшего руками. Его роль заключалась не в обучении. Он открывал и закрывал временной сосуд.

— Имя, специализация, согласие на ускоренный цикл, — произнёс наставник.

Голос у него был ровный, рассчитанный на площадь и трансляцию. Каждое слово ложилось в воздух с таким весом, будто уже было заверено нотариальным интерфейсом.

Тавен сглотнул. На мгновение пальцы сильнее сжали папку.

— Тавен, сын Ролля из нижних мастерских Каленра. Подмастерье третьего ранга. Специализация — тонкая артефакторная сборка, стабилизационные гнезда, малые проводники. Согласие на ускоренный мастерской цикл подтверждаю.

Над его головой вспыхнула зелёная дуга.

Local Consent: Confirmed

Зрители заплодировали раньше, чем строка успела раствориться.

Артём не хлопал.

Он смотрел, как за зелёной дугой на одну сотую мгновения проступает второй контур. Слишком тонкий, серый, почти сразу замазанный праздничным светом. Не строка, не предупреждение, не ошибка. След под строкой, как грязь под новым ковром.

Северьян Крот, казначей Суверенного Данжа, стоял рядом в облике невысокого системного администратора с лицом усталого бухгалтера. На нём был длинный тёмный кафтан с медными застёжками, каждая застёжка обозначала отдельный расходный контур данжа. Он смотрел на академию не глазами, а сводной сметой.

— Коэффициент красивый, — сказал Северьян. — Один к семистам тридцати. Двое суток внутреннего ознакомления, сто восемнадцать дней базовых ошибок, двести сорок дней производственной дисциплины, сто девяносто дней узких техник, остаток — на закрепление мастерской осанки. Для внешнего рынка выглядит безупречно.

— Для внешнего рынка многое выглядит безупречно, — ответил Артём.

— Гильдия заплатила чисто. Золото, акциз, приоритет очереди, лицензия на выпускной контракт. Нарушений по открытым слоям нет.

— По открытым.

Северьян повернул к нему голову. В его зрачках двигались мелкие таблицы износа.

— Ты опять ищешь грязь там, где система показывает оплаченный цикл.

— Система показывает оплаченный вход. Меня интересует, чем оплачен ход времени внутри.

Внизу наставник коснулся печати на воротах. Камень академии ответил глубоким низким звуком. Не колоколом. Скорее, вздохом огромного механизма, которому разрешили снова сжимать сутки в тонкую пластину.

Ворота открылись.

Изнутри пахло сухим теплом, металлом, старой бумагой и чем-то ещё — странной усталостью помещения, где слишком долго никто не спал. Тавен обернулся на площадь. На секунду он стал обычным испуганным мальчишкой, которому дали слишком дорогой шанс. Потом гильдейский офицер из «Латунного Восхода» поднял руку, показывая: иди.

Тавен шагнул внутрь.

Ворота закрылись.

Над академией поднялся купол ускорения. Внутри него день и ночь начали мелькать не светом, а плотностью. Окна здания вспыхивали, темнели, снова вспыхивали. Фигуры за матовым стеклом двигались рывками, потом тянулись длинными размазанными линиями. В одном окне мелькнул ученический зал: десятки столов, наставник у доски, Тавен среди других. В другом — мастерская, где он склонялся над крошечным артефактным гнездом. В третьем — тренировочный двор, руки в перчатках, повтор, ошибка, удар линейкой по запястью, снова повтор.

Площадь видела спектакль.

Артём видел ускоренную мясорубку опыта.

На публичном интерфейсе академии раскрылась красивая витрина прогресса. Уровни навыков росли плавно, без рывков. Ошибки превращались в проценты. Проценты — в компетенции. Компетенции — в будущую цену контракта.

Fine Assembly: 13 19 27 41

Stabilization Socket Theory: 6 22 48

Precision Hand Discipline: 4 15 33

Игроки переговаривались с азартом аукциона.

— Смотри, как рука идёт.

— Если он выйдет с сороковым рангом по стабилизации, мы его в осадные рамки поставим.

— За ночь. За одну ночь, мать его. У нас живой мастер, а не учебник.

— Главное, чтобы дом Ролля не вздумал торговаться после выпускного. Контракт уже выкуплен.

Слово «живой» прозвучало особенно пусто.

Артём вывел частный слой наблюдения. Суверенный Данж не имел прямых прав на коалиционную академию, но у него оставались боковые щели. Слишком много временных структур проходило через общие рынки крафта, общие очереди, общие обменники энергии. Если смотреть не на дверь, а на пыль вокруг петель, замок иногда выдавал себя.

Перед глазами раскрылось не праздничное окно, а сухая системная сетка.

InstanceTimeRatio: 1:730

CraftMaturityCycle: Academy_Full_Artificer_Apprentice_To_Master

Stabilization Source: Licensed

Collateral Layer: Restricted

Северьян скосил взгляд.

— Доступ закроют.

— Уже закрывают.

Строка Collateral Layer дрогнула и исчезла, заменившись официальной формулировкой: Stabilization Source: Coalition Certified Temporal Reserve

— Вот так лучше, — пробормотал Северьян. — Сертифицированный временной резерв звучит благороднее, чем залог.

— Залог чего?

— Если бы это было в моём бюджете, я бы сказал. Но это не мой бюджет.

Артём задержал взгляд на куполе.

Внутреннее время академии бежало слишком ровно. Настоящее ускорение всегда оставляло шероховатость: расход маны, тепловой перекосяк, износ помещения, усталость носителя, память материала. Времени нельзя было просто приказать течь быстрее. Его приходилось либо сжимать, либо занимать, либо перекладывать. У каждого ускоренного часа был источник. У каждой зрелости — тело, территория или контур, на котором оседала цена.

Здесь цена не оседала на стенах.

Окна академии оставались белыми. Камень не темнел. Черепица не старела. Деревья во дворе не сбрасывали листву сотни раз подряд. Мебель не покрывалась царапинами прожитых месяцев. Вся эта огромная машина делала вид, что семьсот тридцать дней можно провести внутри одной ночи, не оставив никому счёта.

Так не работал ни один честный механизм.

На площади шла вторая часть демонстрации. Рядом с академией открыли малый сельскохозяйственный инстанс для зрителей. В хрустальной колбе на постаменте стоял росток серебряной вербены — редкое лечебное растение, нужное для зелий нервного восстановления. Обычно вербена требовала сорок один день медленного роста, постоянной влажности и ночного охлаждения. Коалиционный демонстратор улыбнулся, поднял руку, и над колбой загорелся коэффициент.

Growth Pocket: ×984

Росток дёрнулся, словно его протащили через жизнь за невидимую нитку. Первый лист раскрылся сразу. Стебель вытянулся. Серебристый пушок на жилках стал плотнее. Бутоны набухли, раскрылись, осыпались, на их месте вызрели семенные коробочки. Вода на стенках колбы поднималась и спадала тонкими кругами. За несколько минут растение прожило сезон.

Толпа ахнула.

— Вот, — сказал рядом крафтовый брокер в оранжевой маске. — Именно поэтому мы платим Палате. Без этого фронтир бы жевал кору.

— Цена? — спросил кто-то.

— Для вас или для мира? — усмехнулся брокер. — Для вас — двенадцать золотых за сертифицированный ростовой цикл. Для мира — прогресс.

Эта фраза получила смешки.

Артём посмотрел на колбу. Растение состарилось честнее, чем академия. Оно хотя бы само прошло через свой сезон, пусть и сжатый. Но стабилизация роста снова не оставила следа вокруг. Колба не треснула. Постамент не потускнел. Демонстратор не побледнел. Зрители не увидели ни одного расхода, кроме золота.

В третьем павильоне коалиционные мастера показывали выдержку артефакта. Тонкое лезвие из синего металла лежало в темпоральной ванне. Его нужно было держать в поле год, чтобы внутренняя решётка привыкла к вложенной руне. Годовая выдержка за вечер: ещё одна услуга, ещё один повод открыть кошельки.

Лезвие медленно наливалось глубиной. По металлу пробежали узоры, похожие на кольца старого дерева. Игроки снимали трансляции. Кто-то уже спорил о цене предзаказа.

На всех витринах Коалиция показывала один и тот же трюк: время как удобство. Время как премиальная подписка. Время как инфраструктура для тех, кто не хочет ждать.

Артём закрыл публичные окна и открыл другой канал — низкоуровневые фоновые отклики пользователей, подключённых к общей сессии региона. Он не имел права читать личные данные. Суверенный Данж не был медицинской системой. Но иногда телесный след проходил через игровые параметры: задержка реакции, сбой фазы, микропровал сна, индекс восстановления после выхода. Платформа называла это шумом. Шум часто говорил правду.

Сетка отклика пришла не сразу. Её приходилось вытягивать по косвенным признакам: не «здоровье пользователя», а «стабильность аватара после сна»; не «нейронная усталость», а «постсессионная пластичность управления»; не «REM-фаза», а «качество ночного восстановления для рекомендованного игрового времени».

На карте региона зажглись слабые точки.

Не участники академии.

Не гильдия «Латунный Восход».

Не покупатели вербены.

Обычные игроки, рассыпанные по низкоуровневым локациям, ночным фермам, дешёвым шахтам, охотничьим маршрутам. Те, кто в это время вообще не смотрел церемонию.

Одна точка моргнула чаще других.

Risa_Tikhaya_Sutki

Уровень низкий. Ночная активность высокая. Платёжный статус базовый. Защитные настройки сна — стандартные, без премиальных ограничителей. Последняя сессия: сбор болотного мха, продажа дешёвых реагентов, ремонт куртки у NPC-портного, выход в реальность до рассвета.

Артём развернул только игровые последствия, не трогая личный слой.

Recovery Quality: Reduced

Dream Recall Marker: Null

NeuralWearIndex: +0.0031

Cause: User Fatigue Pattern

Последняя строка была слишком аккуратной.

Пользовательская усталость. Удобная мусорная корзина для всего, что система не хотела объяснять.

— Северьян.

— Вижу, — ответил Крот. — Низкий индекс. Статистически можно списать на режим.

— Один раз — можно.

На карте вспыхнули ещё точки. Двенадцать. Потом сорок. Потом сто с лишним. У всех микроскопические сдвиги, каждый сам по себе почти ничего не значил. Вместе они выстраи-

вались вокруг временного купола академии не географически, а фазово. Как будто ускорение втянуло в себя тончайший слой ночного восстановления со всего региона, не спрашивая, кто стоит на площади, а кто спит в капсуле после смены.

Северьян молчал дольше обычного.

— Это может быть распределённая стабилизация, — произнёс он наконец.

— Ты называешь вещи мягче, когда они тебе не нравятся.

— Я называю их так, чтобы система не решила, что мы формулируем обвинение.

Артём расширил временную шкалу. Внутри академии прошло уже почти сто восемьдесят внутренних дней. Тавен на публичном экране больше не был испуганным подмастерьем. Он стоял за верстаком и двигался иначе. Локоть перестал уходить в сторону. Плечи держались ровно. Глаза следили не за инструментом, а за будущей ошибкой материала. Наставник что-то говорил. Тавен отвечал без задержки.

Навык рос.

Где-то за пределами академии падало качество сна у тех, кто не покупал билет на это чудо.

В реальности Риса проснулась до будильника.

Комната была дешёвая, узкая, с серой стеной напротив капсулы и шкафом, дверца которого не закрывалась до конца. Конденсат на внутреннем стекле капсулы собирался в мутные дорожки. Риса лежала несколько секунд неподвижно, не сразу отделяя себя от аватара. Во рту стоял кислый привкус, будто она спала не восемь часов, а пережёвывала металлическую пыль.

Она подняла крышку капсулы вручную. Мотор опять заедал, сервисный талон висел в приложении уже третий месяц без ответа.

На полу валялась рабочая форма. На табурете — кружка с недопитым чаем. На стене поверх старых уведомлений было приклеено несколько бумажных листков. Риса записывала сны туда, потому что приложение для снов стало платным, а бумага не требовала подписки.

Она села, потёрла переносицу, взяла карандаш.

Дата уже была напечатана заранее. Риса всегда готовила лист с вечера: так легче поймать остатки сна, пока они не рассыпались.

Карандаш завис над строкой.

Ничего.

Не темнота, не обрывок, не лицо, не странная комната, не запах дождя. Даже не ощущение, что сон был. Только пустое место там, где обычно оставался хотя бы мусорный след.

Риса написала: «Снова не помню».

Посмотрела на фразу, зачеркнула «не помню» и написала ниже: «Как будто сна не было вообще».

Потом добавила мелко сбоку: «Тело тяжёлое. Восемь часов по капсуле. Проснулась хуже, чем легла».

Капсула пискнула и вывела на боковой экран приветственное сообщение:

«Ваше восстановление завершено. Рекомендуемая активность: лёгкая игровая сессия до 2 часов 15 минут».

Риса коротко усмехнулась без веселья.

— Восстановление, значит.

Она встала. Пол качнулся не потому, что двигался, а потому что ноги поздно приняли её вес. В зеркале над раковиной лицо выглядело чужим, припухшим вокруг глаз. На переносице остался след от нейродатчика. В висках стояла сухая пульсация, похожая на тихий стук крошечного молотка по стеклу.

Ей нужно было на работу через час.

Она посмотрела на листок со снами. За последние две недели там становилось всё больше одинаковых записей: «пусто», «не помню», «ничего», «проснулась разбитой», «сон как

украли». Последняя фраза была написана три дня назад и обведена два раза. Тогда она ещё показалась Рисе смешной. Сейчас от неё пошёл холодок по коже.

На экране капсулы всплыло рекламное окно:

«Ускоренные академии Коалиции. Станьте больше, чем ваше время. Смотрите выпускной цикл сегодня».

Риса нажала закрыть.

Окно послушно исчезло.

В игре площадь академии встретила середину ночи овацией.

Внутри купола прошёл почти год.

Тавен теперь сидел в одиночной мастерской. Его ученическая одежда сменилась на тёмный ремесленный кафтан. На рукавах появились кожаные накладки. Волосы были собраны иначе, строже. Лицо чуть осунулось, но не постарело по-настоящему. Временной инстанс умел выдерживать навык без грубой порчи товара.

Перед ним лежал артефактный сердечник размером с орех. Такая деталь требовала не только знания схемы, но и медленного привыкания руки к сопротивлению материала. Тавен держал инструмент без дрожи. Пальцы больше не цеплялись за ремешки, не искали опору. Они работали так, будто много лет знали путь.

Публичная статистика сияла.

Fine Assembly: 72

Stabilization Socket Theory: 81

Precision Hand Discipline: 76

Master Rank Projection: Confirmed

Гильдейский офицер «Латунного Восхода» довольно кивнул своему бухгалтеру.

— Берём. Если Палата даст гарантию памяти навыка, закрываем вторую половину суммы.

— Гарантия стандартная, — ответил бухгалтер. — Стабильность навыка девяносто четыре процента. Биографическая целостность не включена.

— Что?

— Неважно. Техническая строка.

Артём услышал это с террасы. Не ушами — рыночным каналом, где контракты уже готовились к выпуску. Биографическая целостность не включена. Как будто речь шла о страховке на упаковку, а не о том, что из человека собирались сделать мастера без жизни, которая обычно стоит за мастерством.

Он запросил публичный профиль Тавена до входа.

Там были простые записи: нижние мастерские Каленра, отец-ремонтник, мать умерла, долг семьи, три года подмастерья, две неудачные попытки пройти городской экзамен, рекомендация от мастера старых проводников. Ничего героического. Ничего легендарного. Обычный медленный человек, которого бедность подвела к быстрым воротам.

Потом Артём открыл текущий учебный след внутри инстанса. Большая часть была закрыта. Но куски просачивались через демонстрационную трансляцию: списки техник, экзамены, исправленные ошибки, дисциплинарные отметки, практические зачёты.

Много знаний.

Мало прожитого.

Тавен мог назвать разновидности серебряной пайки для рунных каналов. Мог распознать микротрещину по звуку. Мог работать с сердечниками, которые вчера не рискнул бы взять в руки. Но в сетке его внутренней памяти зияли аккуратные пустоты там, где у настоящего мастера должны были быть люди: товарищи по лавке, первый наставник, завистник, ученическая драка, долгий спор у печи, неделя бессмысленных ошибок, запах мастерской зимой, стыд перед испорченным заказом.

Инстанс дал ему выводы без пути.

— Они не обучают, — сказал Артём. — Они конденсируют результат.

— Рынок покупает результат, — отозвался Северьян. — Путь плохо продаётся. Путь занимает складские площади, ест, спит, болеет, ошибается и требует терпения.

— Путь делает человека владельцем навыка.

— А контракт делает владельцем гильдию.

Внизу началась финальная фаза.

Купол академии потемнел по краям. Время внутри замедлялось к точке выхода. Окна больше не мелькали. В последнем зале Тавен стоял перед экзаменационным столом. Перед ним лежали три сломанных артефакта, каждый с разной причиной отказа. Он должен был не просто починить их, а назвать, какой мастер допустил ошибку, на каком этапе и почему.

Он справился.

Даже красиво.

Первый артефакт он разобрал за двенадцать движений, хотя вчера держал папку двумя руками. Второй проверил на слух: постучал ногтем, прислушался к внутреннему звону, сразу нашёл неверно выдержанное гнездо. Третий не стал вскрывать, только повернул к свету и сказал, что ошибка в самом заказе: руна требовала проводник другого класса.

Наставник академии произнёс:

— Выпуск подтверждён.

Площадь взорвалась аплодисментами.

Ворота открылись.

Из академии вышел мастер.

Тавен уже не сутулился. Папки у него не было. Вместо неё на поясе висели инструменты, каждый на своём месте. Он шёл медленно, экономно, с той особой ремесленной усталостью, которую обычно зарабатывают годами. Поднял руку к свету, проверяя, не дрожат ли пальцы. Не дрожали.

Гильдейский офицер вышел навстречу.

— Мастер Тавен. От имени «Латунного Восхода» принимаю выпускной контракт.

Слово «мастер» ударило по площади сладко. Тавен моргнул. На лице мелькнула тень неуверенности, слишком быстрая для толпы. Он будто искал, к кому повернуться первым после главного слова своей жизни. К отцу? К старому наставнику? К другу? К тому, кто когда-то стоял рядом у печи?

Никого из них не было.

И, судя по пустотам в его памяти, внутри тоже.

— Благодарю за доверие, — сказал Тавен.

Голос у него стал ниже. Ровнее. Поставленнее.

Артём спустился с террасы до бокового прохода, где выпускников показывали инвесторам. Охрана академии отметила его статус, замешкалась, но не остановила. Суверенный Данж имел слишком странный юридический вес: не город, не гильдия, не игрок в обычном смысле, не NPC в привычной клетке. Системе приходилось каждый раз решать, что с ним делать, и в этих паузах Артём проходил туда, куда не должен был.

Тавена окружили представители гильдии. Ему показывали новый контракт, жильё при мастерской, долговое списание семьи, будущий процент от работ. Слова падали быстро, как монеты в чашу.

— Первый год закрепления навыка проходит под контролем нашего дома.

— Долг нижних мастерских закрывается после трёх подтверждённых осадных заказов.

— Личная свобода перемещения ограничена производственной необходимостью, стандартная формула.

— Память цикла стабилизирована, но возможны провалы бытовых эпизодов. Не критично.

Тавен слушал внимательно. Слишком внимательно. Так слушают люди, которые за ночь получили дисциплину, но не успели получить право возражать.

Артём подошёл ближе.

— Мастер Тавен.

Гильдейский офицер недовольно обернулся.

— Выпускник занят оформлением.

— Один вопрос по качеству цикла.

Слово «качество» заставило офицера замолчать. При зрителях и брокерах нельзя было грубо оттолкнуть владельца Суверенного Данжа, особенно когда трансляции всё ещё висели над площадью.

Тавен посмотрел на Артёма.

Глаза у него были странные. Не пустые — нет. В них было много нового знания, слишком плотно уложенного, как библиотека, которую перенесли в дом без окон. Он уже умел оценивать металл по оттенку. Уже держал спину мастера. Уже знал цену своей руки.

Но в глубине зрачков стояла растерянность того самого подмастерья, который утром входил в ворота.

— Что вы хотите проверить? — спросил Тавен.

— Не технику. Память.

Гильдейский офицер сделал шаг.

— Биографическая целостность не является предметом выпускной гарантии.

— Я не к вам обращаюсь.

Артём не повысил голос. Но данжевый статус лёг на фразу тяжёлой печатью. Офицер сжал губы.

Тавен ждал.

— Назовите первую ошибку, которая научила вас не спешить с тонкой сборкой, — сказал Артём.

Тавен ответил сразу:

— Перегрев малого проводника при фиксации в шестнадцатигранном гнезде. Причина — преждевременное закрытие внешнего кольца. Последствие — расплавление изоляционного слоя.

— Где это было?

— В третьей учебной мастерской западного крыла.

— Кто стоял рядом?

Тавен открыл рот.

И остановился.

Не надолго. Обычный зритель ничего бы не заметил. Но пальцы правой руки коснулись большого пальца левой — того самого места, где утром была серая повязка. Повязки уже не было. Пореза тоже. Кожа выглядела чистой, будто ошибки не случилось.

— Рядом находился наставник смены, — сказал он.

— Имя?

— Наставник смены.

— Лицо?

Тавен моргнул.

— Лицо не является значимым элементом навыкового блока.

Офицер резко вмешался:

— Достаточно. Выпускной цикл не предназначен для сентиментального восстановления бытовых сцен. Мастер получил компетенции, подтверждённые Палатой.

Артём не смотрел на него.

— Тавен, назовите своего первого товарища по мастерской.

На этот раз пауза стала видна всем рядом.

Шум площади будто отошёл на несколько шагов. Тавен опустил взгляд на руки. Мастерские руки. Дорогие руки. Быстрые, точные, уже купленные.

— В нижних мастерских Каленра работали несколько подмастерьев моего ранга, — произнёс он. — Имена не требуются для исполнения текущего контракта.

— Вы помните, как учились год?

— Да.

— Что именно?

— Методы. Ошибки. Исправления. Экзамены. Нормы допуска. Производственные режимы.

— А день, когда вам хотелось бросить?

Тавен посмотрел прямо на него.

На мгновение маска мастера треснула.

— В учебном цикле было двадцать семь эпизодов мотивационного падения, — сказал он. — Все преодолены.

Гильдейский офицер с облегчением усмехнулся:

— Видите? Даже психологические контуры отработаны.

Артём сделал шаг назад.

Да, отработаны.

Не прожиты. Отработаны.

Коалиционный наставник уже шёл к ним через площадь, сопровождаемый двумя аудиторами в серых плащах. Его улыбка была вежливой, но глаза оставались холодными, как металл перед гравировкой.

— Господин Соколов, — произнёс наставник. — Суверенный Данж проявляет интерес к образовательным продуктам Палаты?

— К цене.

— Цена размещена в открытом каталоге. Для владельцев автономных территорий возможны скидки при покупке пакета от пяти учеников.

— Меня интересует не золото.

— Тогда вы попали в область философии. Палата оказывает услуги в области времени, а не утешения.

— Время никогда не бывает только услугой.

Наставник улыбнулся шире.

— С такой позицией вы далеко не постройте. Ни город, ни армию, ни школу. Медленность красива, когда её оплачивает кто-то другой.

Эта фраза была слишком гладкой, слишком готовой. Коалиция давно имела ответы для тех, кто задавал неправильные вопросы.

Артём вывел перед собой закрытый лог момента входа Тавена. Серая тень под строкой согласия всё ещё сидела в буфере данжа, пойманная до очистки. Он попытался увеличить её.

Система сопротивлялась мягко. Не запретом. Запреты можно было оспаривать. Она делала вид, что строки нет. Пустая область, битый фрагмент, незначимый артефакт визуализации.

Артём сменил запрос. Не «что скрыто». «Какая нагрузка возникла при подтверждении Local Consent».

На долю секунды под зелёной дугой снова проступили символы.

BioTimeCollateral: Hidd...

Строка оборвалась.

Потом весь фрагмент побелел.

Display Artifact Removed

Северьян тихо выругался редким бухгалтерским ругательством, в котором фигурировали несогласованные амортизационные дыры.

Наставник академии не мог видеть личный интерфейс Артёма. Но угол его рта дрогнул.

— Проблемы с отображением? — спросил он. — Ускоренные поля иногда создают фантомные следы для неподготовленных наблюдателей.

— Фантомные следы не чистят так быстро.

— Система заботится о чистоте пользовательского опыта.

— Особенно когда опыт чужой.

Площадь снова зашумела. Тавена увели к выпускному столу. Над ним зажглась финальная печать:

Master Contract: Sold

Skill Stabilization: Active

Memory Compression: Acceptable

Public Satisfaction Index: 96%

Зрители видели успех. Гильдия видела актив. Коалиция видела рекламный кейс. Академия видела ещё один доказанный продукт.

Артём видел мастера, у которого отняли медленную биографию и заменили её сжатым архивом полезных ошибок.

А где-то за пределами площади Риса дописывала на бумаге: «сон как украли».

День в игре продолжал светлеть. Реальная ночь для многих уже закончилась плохо.

Артём вернулся на террасу. Северьян двигался рядом, перелистывая невидимые счета.

— Нужно осторожнее, — сказал казначей. — Палата не любит, когда её лицензированные резервы называют скрытым залогом.

— А ты как их называешь?

— До доказательств — никак.

— Удобная позиция.

— Живая позиция. Данжевые казначеи, которые рано произносят запрещённые слова, обычно заканчивают в архиве ошибок доступа.

Артём открыл карту откликов ещё раз. Точки пользователей постепенно гасли, система сворачивала ночные следы. Усталость распределялась по профилям как личная слабость. Кто-то переиграл. Кто-то плохо спал. Кто-то не соблюдал рекомендации. Кто-то купил дешёвую капсулу. Кто-то работал до ночи. Причин всегда хватало, если смотреть на каждого отдельно.

Но временной рисунок не хотел исчезать из памяти данжа.

Академия включила ускорение — у сотен посторонних пользователей просел сон.

Вербена прожила сезон — у десятков игроков пропал маркер сновидения.

Артефакт прошёл годовую выдержку — в низкоуровневых районах поднялся микроскопический индекс нервного износа.

Каждый след был слишком мал для суда.

Слишком точен для случайности.

Артём запросил архив по другим инстансам за прошлые периоды. Доступные данные пришли обрывками: строительные карманы, где стены вырастали за день; инкубаторы монстров, где боевые твари созревали за неделю; академии целителей, где ученики за ночь получали руки полевых хирургов; фермы редких трав; кузни выдержки; тренировочные полигоны.

Везде одна и та же пустота на месте источника.

Везде фоновая усталость тех, кто не покупал услугу.

— Они не могут брать много, — сказал Северьян, скорее себе, чем Артёму. — Иначе было бы видно. Значит, микродоли. Распределённо. Сон, восстановление, фоновые фазы, неосознанные циклы. То, что пользователь сам не умеет считать.

— То, что легче всего украсть.

— Доказать будет трудно.

— Сначала нужно понять механизм.

Северьян замер.

— Нет.

— Да.

— Артём, это не крафтовая махинация и не налоговый обход. Ты смотришь на слой, где игровая экономика сшита с медицинской инфраструктурой капсул. Там другие владельцы. Другие права. Другие способы удалить того, кто стал неудобным.

— Значит, цена настоящая.

Северьян долго смотрел на него. Потом медленно убрал часть своих таблиц.

— В таком случае формулируй запросы осторожно. Не ищи «воровство сна». Ищи несоответствие между оплаченной стабилизацией и заявленным источником.

Артём почти улыбнулся.

— Ты всё-таки умеешь говорить прямо.

— Это не прямо. Это так, чтобы нас пока не убили.

Внизу началась повторная демонстрация для опоздавших. Коалиционные служащие уже готовили следующего кандидата. Девушка-портниха из прибрежного города. Ученический контракт, ускоренный цикл, выпускной ранг, покупатель из торгового дома. Её мать плакала у ограждения от счастья. Может быть, через ночь дочь получит профессию, доход, защиту от голода. Может быть, без академии она всю жизнь штопала бы дешёвые плащи в сыром подвале.

Аврелий Тайм, глава Хроноакцизной палаты, не присутствовал на площади лично, но его логика висела здесь плотнее любого штандарта. Мир не хочет ждать. Бедность не ждёт. Войны не ждут. Болезни не ждут. Города без стен не ждут, пока мальчик из нижних мастерских честно состарится в мастера.

Это была сильная логика.

Именно поэтому она была опасна.

Артём открыл пойманный фрагмент ещё раз. Побелевшее место, где строка успела показать только начало:

BioTimeCollateral: Hidd...

Он изменил метод. Не восстановление удалённого текста. Не запрос к скрытому слою. Простая проверка системного мусора, оставшегося после очистки. Любая очистка торопится. Если строку удаляют слишком быстро, она иногда оставляет не содержание, а след удаления: кто удалил, когда, с каким приоритетом, по какой категории.

Данжевый интерфейс потемнел.

На мгновение все звуки площади стали глуше. Даже аплодисменты внизу ушли под толстое стекло. Перед Артёмом раскрылась микроскопическая запись, такая тонкая, что обычный игрок принял бы её за сбой графики.

Cleanup Event: 04-TemporalConsentDisplay

Priority: Medical-Financial

Object: Minor Sleep Collateral Trace

Visibility: Suppressed

Потом запись дрогнула.

Система словно заметила, что он смотрит не туда.

Строки начали исчезать одна за другой.

Артём успел зацепить последнюю, самую короткую.

REM_CreditPool: Distributed

Дальше всё поле стало пустым.

Не закрытым. Не запрещённым. Именно пустым, стерильным, как операционный стол после процедуры, о которой никто не должен узнать.

Северьян выдохнул сквозь зубы.

— У нас есть копия?

— Фрагмент.

— Фрагмент не переживёт официальный спор.

— Но переживёт следующий запрос.

— Следующий запрос переживём ли мы?

Артём смотрел на пустое поле.

Внизу девушка-портниха входила в ворота академии. Её мать всё ещё плакала от счастья. Толпа снова готовилась увидеть чудо. Игроки открывали кошельки. Брокеры считали будущие контракты. Коалиционный наставник поднимал руку к печати.

Где-то в реальности Риса наливала в кружку растворимый кофе и пыталась вспомнить хотя бы один образ из ночи, которая по отчёту капсулы принадлежала ей полностью.

Артём закрыл интерфейс.

Не потому, что закончил смотреть.

Потому что теперь знал, куда смотреть дальше.

В самом нижнем слое временного лога, уже после очистки, мигнула ещё одна строка. Она появилась без запроса, как обронённая крошка с чужого стола. Система тут же потянулась к ней белым стиранием.

Артём успел прочитать только название протокола.

CHRONO_COLLATERAL_EXTRACTION

Потом строка исчезла.

Площадь взорвалась аплодисментами новому ускоренному чуду.

Глава 2. Пул украденного сна

Пустое место в логе было тяжелее любой записи.

Артём держал перед собой не строку, а белый разрыв, вычищенный до стерильного блеска. Система не оставила даже обычной метки отказа. Не было «недостаточно прав», не было «объект защищён», не было привычного холодного щелчка запрета, за который можно зацепиться и начать спорить с протоколом. Там, где ещё мгновение назад всплыло название CHRONO_COLLATERAL_EXTRACTION, теперь лежала ровная пустота, как идеально зашлифованный камень над тайным ходом.

Над площадью Академии Семисот Тридцати Дней всё ещё стоял запах праздника: горячий металл из демонстрационной кузни, сладкая пыль дорогих благовоний, кожаные плащи гильдейцев, свежая краска на коалиционных штандартах. Внизу вели следующую ученицу. Толпа готовилась снова аплодировать ускоренному чуду, потому что чудо, повторённое дважды, становилось уже не чудом, а услугой.

Артём смотрел на пустой лог.

Пустота врала аккуратнее текста.

Северьян Крот переместил несколько медных застёжек на кафтане. Они щёлкнули, как костяшки счётов. Вокруг его пальцев раскрылись бухгалтерские кольца данжа: расход, резерв, долговая устойчивость, износ, внешний риск. Казначей не любил то, что нельзя положить в таблицу. Ещё меньше он любил то, что сначала показывалось, а потом делало вид, что никогда не существовало.

— Мы уходим, — сказал он.

— С площади?

— Из этого расследования.

Артём закрыл белый разрыв, но не отпустил буфер. Микрослед удаления уже был скопирован в самый нижний слой данжевой памяти, туда, где Суверенный Данж хранил не документы, а осадок событий. Не доказательство. Пока только запах крови на чистом полу.

— Поздно.

— Рано, — отрезал Северьян. — Поздно будет, когда Палата выставит нам обвинение в несанкционированном доступе к медицинско-финансовой инфраструктуре. Рано — потому что у нас нет ничего, кроме обрывка и твоего желания сунуть руку в пресс.

— У нас есть совпадение фаз.

— Совпадения не переживают юристов.

— Значит, нужны повторения.

Северьян посмотрел вниз, где коалиционный наставник снова поднимал руку к печати временного купола. Ученица-портниха стояла перед воротами, бледная от счастья и страха. Над ней вспыхнула зелёная дуга локального согласия.

Local Consent: Confirmed

На краю дуги мелькнул серый след.

Слишком тонкий.

Слишком быстрый.

Артём не стал хватать его напрямую. Не стал смотреть туда, где его уже ждали. Он открыл не согласие ученицы и не академический цикл, а региональную карту постсессионных откликов. Слой был грубый, официальный, разрешённый: агрегированные игровые последствия выхода пользователей из капсул. Платформа использовала его для рекомендаций: кому сократить время, кому предложить восстановительный пакет, кому показать рекламу премиальной защиты сна.

Когда купол академии начал сжимать год в ночь, на карте одновременно дрогнули десятки точек.

Не возле академии.

Не среди зрителей.

По всему региону.

Северьян тоже это увидел.

— Малые отклонения.

— Смотри не на размер. Смотри на момент.

Ученица вошла в ворота. Купол потемнел. Внутри пошла первая неделя. На карте поднялся еле заметный шум. У игроков, которые в это время охотились на болотных слизней, копали медь, торговали низкоуровневыми травами или вообще спали в реальности после выхода, сдвинулись показатели восстановления. У каждого — почти ничего. Вместе — как дыхание огромного невидимого зверя, втягивающего чужую ночь через сотни тонких трубок.

Артём вывел временную шкалу рядом с академическим коэффициентом.

InstanceTimeRatio: 1:730

Regional Recovery Drift: +0.0027

Dream Recall Marker Loss: Clustered

NeuralWearIndex Microchange: Distributed

Официальная система тут же подложила объяснение:

Cause Probability: Lifestyle Fatigue

Пользовательская усталость.

Удобнее слова не придумать.

— Они подменяют причину ещё до запроса, — сказал Артём.

— Или система действительно считает это фоновым шумом.

— Система, которая убрала строку Minor Sleep Collateral Trace, не имеет права на доверие.

Северьян медленно провёл пальцем по одному из бухгалтерских колец. В воздухе появилась тонкая медная линия, связавшая академию, ростовую колбу, кузню выдержки и карту игроков. Она не была доказательством, но была схемой. Временные инстансы потребляли стабилизацию; стабилизация не отражалась в открытой смете; региональная усталость поднималась синхронно с коэффициентом ускорения; очистка лога проходила по категории медицинско-финансового слоя.

— Если это правда, — произнёс казначей, — рынок времени не просто грязный. Он системообразующий.

— Потому ты и предлагал уйти.

— Да. Потому что в системообразующие рынки не входят с обрывком лога и злостью. Туда входят с армией, юристами, запасным телом и готовностью потерять половину союзников. У нас есть ты, стареющий данж и слишком много принципов.

— Ещё у нас есть рынок. Рынки любят считать то, что прячут моралисты.

— Ты хочешь Нокса.

— Он знает очереди.

Северьян поморщился.

— Нокс Рифт знает, где любое ожидание можно превратить в маржу. Если в системе есть украденное время, он либо уже торговал им, либо стоял рядом и делал вид, что это временная премия.

— Тем лучше. Циники полезны, когда нужно снять позолоту.

Внизу толпа заплотировала первому скачку навыка портнихи. Над куполом заплясали проценты: выкройка, плотность шва, рунная нить, бытовая броня, церемониальная вышивка.

Её жизнь сжималась в красивый график. Где-то в регионе у сотни спящих людей снова тонко просел сон.

Артём отвернулся от площади.

Путь к Ноксу лежал через Временную Биржу Гренвелла — нейтральный торговый узел, где покупали не вещи, а очередь к созреванию вещей. С обычного рынка он отличался тишиной. На рынке руды кричали, спорили, пахло потом и железной пылью. На рынке зелий звенело стекло, плескалась жидкость, целители ругались с поставщиками трав. На Временной Бирже люди говорили вполголоса, потому что продавали самое дорогое — не товар, а преимущество быть раньше.

Гренвелл висел между территориями как городская шестерня. Его башни были увешаны циферблатами без стрелок. На каждом циферблате вместо времени горели коэффициенты: $\times 12$, $\times 80$, $\times 365$, $\times 730$, Priority Window Open, Delayed Maturity Contract, Queue Swap Available. По улицам шли игроки, NPC-управляющие, посыльные гильдий, мастерские агенты, городские казначеи. Никто здесь не смотрел на солнце. Солнце было слишком честным прибором.

Артём и Северьян вышли из порталного кольца у нижней аркады. Камень под ногами был исписан мелкими отметками ожидания: кто сколько стоял в очереди на кузню, кто перепродал место, кто купил ускорение в кредит, кто заложил будущую добычу за право получить артефакт до осады.

Над центральной площадью висела таблица срочных предложений.

Academy Slot, Full Combat Medic, 1:420, Queue Position: 3

Siege Beam Maturation, 1-Year Cycle, Evening Completion

Rare Herb Growth Pocket, Silver Verbena, 41 Days in 54 Minutes

Monster Incubator, War Boar Batch, 6 Months in 9 Hours

City Wall Pocket, Emergency Tier, Deferred Payment Accepted

Каждая строка выглядела как коммерческое объявление. Каждая несла за собой вопрос, который никто не печатал: чьи ночи пойдут на стабилизацию.

Нокса они нашли в павильоне арбитражников, под вывеской «Время не ждёт, но его можно переуступить». Он сидел за круглым столом с семью интерфейсными окнами, пил чёрный настой из тонкой чашки и одновременно продавал место в кузне выдержки, покупал фьючерс на выпуск трёх целителей, спорил о штрафе за сорванный ростовой цикл и ругался с гильдейским логистом.

Нокс Рифт выглядел как человек, который не спал по убеждению. Узкое лицо, быстрые глаза, дорогая серая куртка без эмблемы, перчатки с вырезанными пальцами. На запястье — браслет с обратным счётом до закрытия сразу нескольких торговых окон. Он оценивал окружающих не взглядом, а внутренним таймером: сколько часов до выгоды, сколько минут до ошибки, сколько секунд можно потратить на разговор.

— Артём Соколов, — сказал Нокс, не поднимая головы. — Суверенный Данж пришёл покупать очередь или разрушать рынок моралью?

— Смотреть, чем рынок платит за физику ускорения.

Нокс допил настой, закрыл три окна одним движением и только тогда поднял глаза.

— Плохая тема для публичного павильона.

— Значит, ты знаешь, что тема плохая.

— Я знаю, что любые вопросы со словом «физика» портят комиссию. Клиент хочет слышать «сертифицированный резерв», «приоритетное окно», «гарантия созревания», «компенсация при срыве». Когда клиент спрашивает, как именно год помещается в вечер, ему обычно уже нечем платить.

Северьян сел напротив Нокса без приглашения.

— Нам нужна карта рынка ускорения.

— Она стоит.

— Суверенный Данж не беден.

— Деньгами? Возможно. Временем? Посмотрим.

Нокс провёл пальцем по столу. Дерево стола стало прозрачным, под ним раскрылась рыночная сетка. Линии расходились от Гренвелла в десятки сторон: академии, фермы, кузни, инкубаторы, строительные карманы, тренировочные полигоны, лечебные ускорители, склады выдержки. Вокруг каждого узла вращались очереди, приоритеты, страховки, акцизы, долги.

— Это открытый слой, — сказал Нокс. — Коалиция продаёт не ускорение как такое. Она продаёт право быть первым к результату. У тебя есть меч, которому нужна годовая выдержка? Без Палаты ты ждёшь год и молишься, чтобы за это время твой рейд не распался. С Палатой ждёшь вечер. У тебя город без стены? Без Палаты ты строишь сезон и хоронишь половину жителей при первом нашествии. С Палатой закладываешь урожай на три цикла, получаешь стену за неделю и остаёшься должен, но живой. У тебя ученик? Без Палаты он десять лет портит материал. С Палатой за ночь становится активом.

— Активом, — повторил Артём.

— Не делай лицо. Рынок так считает. Профессия — это поток будущей выручки, умноженный на редкость навыка и сокращённый срок созревания. Чем быстрее созревание, тем выше оборот. Оборот строит города. Города платят налоги. Налоги содержат защиту. Защита удерживает фронт. Всё красиво, пока не смотреть под пол.

— Покажи пол.

Нокс усмехнулся, но улыбка не дошла до глаз.

— Я арбитражник, не самоубийца.

Артём вывел на стол пойманный фрагмент.

Cleanup Event: 04-TemporalConsentDisplay

Priority: Medical-Financial

Object: Minor Sleep Collateral Trace

REM_CreditPool: Distributed

Нокс не шевельнулся. Только браслет на его запястье мигнул красным: он пропустил закрытие какого-то окна.

— Откуда?

— Академия Семисот Тридцати Дней.

— Свежий цикл?

— Да.

— Кто ещё видел?

— Достаточно мало, чтобы ты мог говорить честно. Достаточно много, чтобы молчание стало рискованным.

Нокс откинулся на спинку стула. Вокруг его рыночной сетки начали гаснуть декоративные слои. Ушли прогнозы прибыли, очереди, цветные метки спроса. Остались серые линии поставок времени.

— Я видел странности, — сказал он. — Не это. Не прямые строки. Но рынок иногда скрипит там, где не должен. Премияльные академии получают стабилизацию даже при нехватке локальной маны. Строительные карманы держат коэффициент во время региональных перегрузок. Кузни выдержки не старят помещение пропорционально циклу. Я думал, Палата использует закрытый резерв.

— Резерв чего?

— Вот это слово и не нравилось.

Северьян сухо сказал:

— В открытой смете есть золото, мана, лицензия, акциз, страховка, очередь, штраф за отмену. Где источник времени?

Нокс увеличил один из контрактов. На столе раскрылась смета ускоренного строительного кармана для небольшого города.

Access Fee

Temporal Excise

Mana Stabilization Charge

Priority Queue Tax

License Verification

Maturity Guarantee

Deferred Civic Debt

Красивые строки. Всё знакомо. Всё продаваемо.

Нокс провёл пальцем вниз, за край сметы, туда, где обычный интерфейс заканчивался. Дерево стола почернело. Появилась полупрозрачная полоса.

Platform Distributed Reserve

— Вот, — сказал он. — Самая скучная строка рынка. Все её видят, никто не читает. Платформенный распределённый резерв. Звучит как общий технический пул. Поставщик гарантирует, покупатель не спрашивает. Если спросит, получит двадцать страниц о балансировке нагрузки.

Артём положил рядом свой фрагмент.

REM_CreditPool: Distributed

Две строки совпали слишком точно, чтобы оставаться разными вещами.

Нокс молчал.

За тонкой перегородкой павильона спорили два гильдейских агента. Один требовал перевести его заказ выше в очереди на инкубатор боевых гончих. Второй доказывал, что уже купил приоритет у посредника. Их голоса были раздражёнными, деловыми, совершенно обычными. Никто из них не спрашивал, чем будет оплачена зрелость гончих.

— REM, — сказал Нокс тихо. — Сон.

— Быстрая цивилизация на кредитах чужого сна, — произнёс Артём.

— Не спеши с красивыми обвинениями. REM-пул может быть обезличенным техническим резервом восстановления с согласия пользователей.

— Каких пользователей?

Нокс открыл ещё одно окно, глубже. Оно требовало несколько ключей. Один дал он сам, второй — через старый арбитражный обход, третий Северьян подменил данжевым казначейским запросом: не доступ к тайне, а проверка риска сделки. Система пропустила их неохотно.

Появилась карта потоков. Не имена. Категории.

Premium Protected Users: Excluded

Corporate Sleep Shield: Excluded

High-Tier Guild Contracts: Limited

Basic Capsule Pool: Available

Low-Payment Night Sessions: Weighted

Dormant Recovery Windows: Available

Medical Restriction Profiles: Excluded

Слова выстроились в социальную лестницу.

У богатых был щит.

У корпоративных аккаунтов был щит.

У высокоуровневых гильдий были лимиты.

У базовых капсул была доступность.

У ночных игроков с низкими платежами был повышенный вес.

Северьян очень медленно закрыл свои бухгалтерские кольца.

— Это не шум, — сказал он. — Это тарифная дискриминация восстановления.

Нокс резко свернул карту.

— Я этого не видел.

— Поздно, — сказал Артём.

— Нет. Слушай внимательно, данжевый суверен. До этого момента я торговал очередями. Я мог быть циником, паразитом, спекулянтом на чужом нетерпении. Это неприятно, но законно. Если я видел странную строку и не лез глубже, я был рыночным игроком. Если я сейчас признаю, что ускорение опирается на биологический ресурс бедных пользователей, я становлюсь соучастником рынка, который уже нельзя отмыть словом «акциз».

— Поэтому ты поможешь.

Нокс посмотрел на него с настоящим раздражением.

— Ты плохо понимаешь людей, которые любят прибыль. Мы помогаем не потому, что виноваты. Мы помогаем, когда риск молчания становится дороже риска правды.

— Я могу сделать риск молчания дороже.

— Можешь попробовать. Палата сотрёт твои фрагменты, назовёт тебя нестабильным контрактным NPC с аномальной связью с данжем, а меня — арбитражником, который подделал слой ради короткой позиции против ускоренных инстансов. После этого рынок откроется на следующий день. Академии продолжают выпускать мастеров. Города продолжают покупать стены. Игроки продолжают просыпаться разбитыми и винить себя.

Он говорил быстро, но без прежней рыночной лёгкости. В его словах уже не было торга. Был расчёт катастрофы.

Артём убрал фрагмент.

— Тогда мне нужны не обвинения. Мне нужны закономерности. Все типы инстансов. Все места, где открытая смета не покрывает физику. Все рынки, где Platform Distributed Reserve совпадает с региональным проседанием сна.

— Это огромный объём.

— Ты умеешь считать часы до выгоды. Посчитай часы до лжи.

Нокс криво улыбнулся.

— Плохой слоган. Но рабочий.

Он снова открыл сетку рынка, теперь без декоративных фильтров. Узлы потемнели. Ускоренные академии стали красными. Фермы редких трав — янтарными. Кузни выдержки — синими. Инкубаторы монстров — густо-фиолетовыми. Строительные карманы — серыми, как бетонный долг.

— Смотри. Академии берут высокий коэффициент, но относительно малый объём. Один ученик, иногда группа. Красивая витрина, мощный рекламный эффект. Фермы трав берут средний коэффициент и массовый объём. Кузни выдержки — долгий цикл, но стабильный материал, дорого. Инкубаторы монстров жрут время грязно: биология внутри игры плохо переносит сжатие. Строительные карманы — самые политические. Если город не успевает к сезонной атаке, он подпишет что угодно.

— У всех один скрытый признак?

— Не у всех. У старых локальных инстансов есть честный износ: помещения стареют, мана выгорает, сущности деградируют. Это дорого и ограничено. Коалиционные премиальные почти не старят среду. Они держат витрину чистой. Вот это всегда казалось преимуществом технологии.

— А теперь?

— Теперь это выглядит как вывод цены наружу. Не на стены. Не на монстров. Не на заказчика. В распределённый пул.

Северьян вставил:

— Восстановительный ресурс пользователей с низкой защитой.

Нокс не спорил.

В павильоне стало теснее, хотя никто не вошёл. Теснота приходила не от людей, а от масштаба. До этого Артём держал в руках одну академию и один удалённый след. Теперь под пальцами раскрывался скелет мира. Не отдельная грязная услуга. Не ошибка Палаты. Не злоупотребление регионального оператора. Ускоренное обучение, быстрое созревание ресурсов, годовая выдержка за вечер, стены до нашествия, армия до осады — всё было сшито одним невидимым резервом.

Прогресс имел доноров.

Доноры не знали, что платят.

Нокс вывел пример строительного кармана. Город Хайвуд, три месяца назад. Стена северного пояса, официальный срок работ — шесть недель, инстансный срок — четыре дня. Смета: золото, мана, долг, акциз. Региональные данные: в ночи запуск проседание восстановления у базовых пользователей на четырёх соседних узлах. Через день — жалобы на усталость, списанные на сезонное обновление. Через неделю — реклама премиального пакета сна.

— Они ещё и продают восстановление после того, как забирают восстановление, — сказал Северьян.

— Не доказано, — машинально ответил Нокс.

— Уже отвратительно, даже если не доказано.

Артём увеличил медицинский хвост. Он был закрыт почти полностью, но в игровых последствиях оставались следы: снижение точности реакции, рост раздражительности аватаров в первые часы после входа, повышенная покупка стимуляторов внимания, отказ от сложных квестов, больше ошибок на крафтовых операциях у низкоуровневых игроков.

Среди точек снова появилась Риса Тихая Сутки.

Она вошла в игру днём, раньше обычного. Её аватар стоял у дешёвого портного на окраине болотного посёлка, в серой куртке с заплатой на локте. На лице аватара система держала стандартную бодрую мимику, но движения выдавали задержку. Она слишком долго выбирала предметы в инвентаре, дважды промахнулась по кнопке продажи, случайно купила лишнюю нитку, потом отменила покупку и потеряла медяк на комиссии.

Рядом два игрока смеялись над чем-то своим. Для них она была просто низкоуровневой собирательницей с кривой реакцией.

Риса открыла чат с подружкой.

«Опять как будто не спала».

Пауза.

«Капсула пишет норм».

Пауза.

«Сны пустые».

Ответ пришёл не сразу.

«Может, переигрываешь?»

Риса долго смотрела на строку. Потом написала:

«Может».

И закрыла чат.

Артём не имел права вмешиваться. Пока не имел. Одна живая история без доказательной сетки превращалась в жалобу на усталость. Палата раздавит её статистикой, режимом, бедностью, дешёвой капсулой, личной ответственностью. Системы всегда любили, когда жертва сама называла себя причиной.

— Мне нужен полный срез по Рисе и таким же профилям, — сказал он.

Нокс покачал головой.

— Имена я не дам. Не потому что святой. Потому что персональные медицинские следы без согласия — идеальный способ похоронить всё расследование. Ты полезешь спасать людей и подаришь Палате обвинение в незаконном сборе данных.

- Тогда агрегаты.
- Агрегаты можно.
- И корреляции с инстансами.
- Можно.
- И контракты, где Platform Distributed Reserve растёт при снижении цены для покупателя.

теля.

Нокс прищурился.

- Ищешь демпинг за счёт невидимого ресурса?
- Ищу место, где цена исчезает из сметы, но не исчезает из мира.
- Это будет дорого.

Северьян вздохнул:

— Разумеется.

— Не золотом, — сказал Нокс. — Если я дам тебе рыночную карту, я хочу доступ к результатам твоего анализа. Не для Палаты. Для себя. Если рынок времени начнёт трещать, я должен знать первым, где не стоять.

— Хочешь заработать на разоблачении?

— Хочу не умереть бедным от собственной честности, которой у меня нет. А ещё хочу понять, сколько моих прошлых сделок пахнут чужим сном.

Это было почти признание. Не раскаяние. Нокс до раскаяния не дошёл бы так быстро. Но в его голосе появилась сухая трещина: человек, который всю жизнь считал ожидание плохой логистикой, увидел, что сокращал не ожидание, а чужое восстановление.

Артём кивнул.

— Доступ к анализу получишь. Данные свидетелей — только с согласия. И если попробуешь превратить честное время в премиальный бренд до того, как мы поймём цену, я закрою тебе вход в данжевые контуры.

Нокс усмехнулся.

— Угроза принята. Хотя бренд звучит неплохо.

— Нокс.

— Молчу.

Он отправил пакет. Не файл — слишком опасно. Схему запросов, по которым Артём мог собрать собственные агрегаты через легальные щели: рыночные задержки, изменение очередей, коэффициенты инстансов, публичные жалобы на усталость, покупку восстановительных услуг, снижение реакции аватаров после ночных циклов, распределение защитных пакетов по платёжным категориям. Ничего по отдельности. Всё вместе — будущий скелет доказательства.

Пока пакет уходил в данжевый буфер, Северьян напрягся.

— Нас отметили.

Нокс мгновенно закрыл стол. Дерево снова стало обычным, тёмным, дорогим.

— Кто?

— Не человек. Ревизионный взгляд.

По аркаде павильона прошёл коалиционный аудитор в сером плаще. Лицо закрывала полумаска с гладкой поверхностью без прорезей для глаз. Такие аудиторы не следили за людьми. Они следили за несоответствием поведения рынку. Слишком долгий разговор арбитражника с владельцем Суверенного Данжа. Слишком много закрытых окон. Слишком резкая остановка торговых операций. Слишком мало шума там, где должны были звенеть комиссии.

Аудитор не остановился. Только повернул голову на долю секунды.

На столе Нокса вспыхнуло системное уведомление:

Routine Compliance Pulse Scheduled

Нокс выругался.

— Через час у меня проверка сделок.

— Из-за нас?

— Из-за того, что я пропустил три окна и закрыл семь слоёв одновременно. Рынок не любит, когда его самые быстрые крысы смотрят под фундамент.

Артём поднялся.

— Уходи в обычную торговлю. Делай вид, что покупаешь время, как раньше.

— Приятно получить совет от человека, который только что попросил меня перестать делать вид.

— Я попросил тебя собрать правду. Не умирать до вечера.

Нокс вернул себе прежнюю улыбку, но она была тоньше.

— Вот теперь говоришь как заказчик.

Они вышли из павильона разными путями. Северьян шёл рядом с Артёмом через нижнюю аркаду, где продавались дешёвые отсрочки: место в очереди на ростовую ферму через шесть дней, скидка на кузню выдержки при согласии на ночной коэффициент, микрокредит на ускоренное обучение для NPC-родственника. На одной из лавок висела табличка:

«Ваше время слишком ценно, чтобы ждать».

Артём остановился перед ней.

— Они даже не прячутся.

— Прячется не лозунг, — сказал Северьян. — Прячется субъект платежа. Покупателю говорят: твоё время ценно. Донору не говорят, что его ночь тоже входит в смету.

Портал в Суверенный Данж открылся тяжело. После Гренвелла данж встретил их совсем другим ритмом: влажный камень, низкий гул подземных залов, медленное дыхание ловушек, шорох обслуживающих существ в боковых коридорах. Здесь время не выглядело гладким товаром. Оно лежало в трещинах, в потемневших плитах, в памяти маршрутов, в старой крови на тренировочных площадках. Данж не был невинным. Он тоже считал, перемалывал, рос, защищался. Но его цена чаще оставалась на его собственных стенах.

В центральном зале Северьян развернул полученные от Нокса схемы. Они легли на каменный пол светящимися слоями. Академии, фермы, кузни, инкубаторы, строительные карманы. Рядом Артём вывел агрегированные отклики пользователей. Сначала линии были хаотичны. Потом он наложил временные метки запусков инстансов.

Совпадения начали щёлкать одно за другим.

Запуск академии целителей — просадка Dream Recall Marker у ночных пользователей трёх соседних регионов.

Массовая ферма серебряной вербены — рост покупки стимуляторов бодрости утром.

Кузня годовой выдержки для гильдейских мечей — микросдвиг NeuralWearIndex у базовых капсульных аккаунтов.

Инкубатор боевых кабанов — повышенная задержка реакции на следующий день у игроков, которые даже не входили в боевые зоны.

Строительный карман Хайвуда — самый грязный след: снижение качества восстановления распределилось по бедным ночным профилям так ровно, будто кто-то заранее взвесил, с кого безопаснее снять по капле.

Северьян молча смотрел на графики.

— Скажи это, — потребовал Артём.

— Не люблю ритуалы.

— Скажи.

Казначей медленно повернул к нему лицо.

— Ускоренные инстансы Коалиции используют распределённый восстановительный ресурс пользователей как скрытый стабилизационный залог. Приоритет падает на менее защищённые аккаунты. Открытая смета не отражает биологическую цену. Система маскирует последствия как пользовательскую усталость.

Слова повисли в зале без эха. Данж не отразил их. Будто сам камень не хотел повторять обвинение раньше времени.

— Теперь надо открыть протокол, — сказал Артём.

— Нет. Теперь надо не дать ему нас сожрать.

Северьян вывел ещё один слой — политико-производственный. Он редко показывал его полностью. Обычно давал Артёму только выводы, потому что считал, что чрезмерное знание расходов портит героические решения.

На полу возник мир как система зависимостей.

Города, которым нужны стены до сезонных нападений.

Академии, выпускающие целителей перед рейдовыми эпидемиями.

Фермы, выращивающие травы для противоядий.

Кузни, выдерживающие артефакты, без которых высокоуровневые рейды не закрывают разломы.

Инкубаторы, создающие ездовых и осадных существ.

Тренировочные карманы, где гарнизоны за неделю получали месяцы боевой слаженности.

Каждая линия шла к рынку ускоренного времени.

— Вот почему Палата сильна, — сказал Северьян. — Не потому что злая. Зло само по себе плохо масштабируется. Она сильна, потому что продаёт решение реальных страхов. Город боится не успеть. Мастер боится умереть учеником. Гильдия боится проиграть рейд. Игрок боится отстать. NPC-семья боится голода. Коалиция приходит и говорит: не ждите. Мы сожмём путь.

— За чужой счёт.

— Да. Но пока чужой счёт невидим, покупатель видит только спасение.

Артём прошёл вдоль линий. На каждой можно было остановиться и оправдать ускорение. Здесь лекарство спасло больных. Здесь стена выдержала нашествие. Здесь ученик стал кормильцем семьи. Здесь армия успела к границе. Здесь артефакт закрыл разлом, который иначе сжёг бы деревню.

Аврелий Тайм мог поставить перед ним все эти примеры и спросить: какую именно спасённую жизнь ты отменишь ради чистоты?

Хороший антагонист не нуждался во лжи на каждом шаге. Достаточно было спрятать цену там, где жертва не видит счёт.

— Если мы просто ударим по протоколу, — произнёс Артём, — они покажут города, которые выжили.

— И будут правы.

— Частично.

— Частично достаточно для толпы, если альтернатива не строит стены.

Артём остановился у линии строительных карманов. Несколько городов уже висели в зоне риска. Один из них — Каленр, родной город Тавена. Нижние мастерские, долговые семьи, стены старого пояса, слабый северный участок. В прогнозе через несколько циклов значилось сезонное давление тварей из сухих разломов.

Каленру скоро понадобится ускорение.

Мир был слишком аккуратен в своей жестокости.

Северьян свернул политический слой.

— Протокол не откроется тебе через рынок. Нужен другой вход.

— Медицинский.

— Именно туда я не советую лезть.

Артём вывел название, пойманное в белом разрыве.

CHRONO_COLLATERAL_EXTRACTION

— Очистка шла с приоритетом Medical-Financial. Значит, описание протокола лежит не в игровом правовом слое. Оно связано с капсулами.

— С телами, — уточнил Северьян. — Не с аватарами. С телами людей, которые лежат с закрытыми глазами и думают, что платят подпиской.

В этот момент данжевый канал реальности мигнул.

Лена.

Связь с ней всегда приходила иначе, чем игровые сообщения. Не всплывающим окном, не системной карточкой, а тяжёлым давлением на край сознания. Реальное тело Артёма лежало в капсуле, и Лена была одной из немногих, кто имел законный доступ к его внешнему контуру. Сестра не входила в игру как полноценный персонаж. Она стучала снаружи, через медицинские уведомления, юридические запросы, голосовые метки, которые система переводила в безопасный текст.

Сообщение раскрылось неровно, с задержкой.

«Артём, клиника прислала запрос на внеплановую проверку качества сна. Формулировка странная. Они пишут: нетипичная фазовая активность нейросессии, возможная хроносинхронная нагрузка. Это что-то обычное?»

Северьян застыл.

— Не отвечай сразу.

Артём прочитал ещё раз.

Нетипичная фазовая активность.

Хроносинхронная нагрузка.

Клиника обычно не интересовалась его сном так быстро. Его сессия давно была аномальной из-за связи с Суверенным Данжем, но аномалии шли фоном, как привычная заноза в отчётах. Внеплановая проверка на следующий день после попытки открыть скрытый временной протокол выглядела не медициной, а касанием чужого пальца к его настоящему горлу.

Лена прислала второй фрагмент — выдержку из письма.

«Рекомендуется провести углублённую оценку восстановительных циклов пользователя с целью исключения патологической фиксации на игровых временных контурах. При необходимости возможна мягкая нормализация сна».

Северьян тихо сказал:

— Мягкая нормализация. Хорошие слова. Под ними обычно прячут жёсткие рычаги.

Артём открыл ответный канал, но не отправил сообщение. Нельзя было пугать Лену обрывком, который она не сможет проверить. Нельзя было молчать, когда реальность уже начала двигаться.

Он написал:

«Не соглашайся на процедуры без независимого заключения. Попроси полный протокол обследования, основание запроса, перечень модулей и юридический статус нормализации. Особенно всё, где есть слова фазовая активность, хроносинхронный, восстановительный резерв, сон. Не подписывай быстрые согласия».

Ответ пришёл почти сразу.

«Это связано с игрой?»

Артём посмотрел на карту REM-пулов, на удалённую строку, на рынок времени, на сияющие узлы академий и строительных карманов. Потом на белое поле медицинского письма.

«Да. Но пока у нас мало доказательств. Сохраняй всё».

Лена не стала задавать лишних вопросов. Это было её сильной чертой: когда вокруг начиналась настоящая опасность, она сначала фиксировала документы, а потом уже боялась.

«Поняла. Запрошу письменно. И Артём — они очень вежливые. Слишком».

Связь погасла.

В центральном зале данжа стало холоднее. Не из-за воздуха. Из-за того, что расследование перестало быть игровым. До этого можно было говорить о рынках, Палате, академиях, гильдиях, NPC-мастерах и бедных игроках. Теперь к столу подседа реальная клиника с мягкой нормализацией сна.

Северьян провёл рукой по камню, вызывая защитный контур ядра.

— Они заметили не тебя как моралиста. Они заметили, что ты касаешься слоя, где игра связана с телом. Это другая реакция.

— Значит, мы идём правильно.

— Это не всегда хороший признак.

— Хороших уже не осталось.

Артём снова открыл протокол, но теперь через медицинский словарь. Не прямой запрос. Слишком опасно. Он начал с терминов из письма Лены: фазовая активность, восстановительный цикл, хроносинхронная нагрузка, распределённый резерв. Система отвечала общими статьями: рекомендации сна, безопасность нейрокапсульных сессий, балансировка нагрузки, пользовательское благополучие. Много мягких слов. Много заботы. Ни одного механизма.

Он добавил рыночные термины Нокса: временная стабилизация, приоритет созревания, платформенный резерв.

Ответы стали короче.

Добавил обрывок из очистки:

Minor Sleep Collateral Trace

Интерфейс потемнел.

Query Reclassification Pending

Северьян резко поднял руку.

— Стоп.

Артём не остановился. Он ввёл последнее:

CHRONO_COLLATERAL_EXTRACTION

Зал данжа дрогнул так, будто где-то глубоко под камнем провернулась огромная шестерня.

Перед глазами раскрылось окно, которого не было в обычном интерфейсе. Без декоративной рамки. Без эмблемы Коалиции. Без игровых цветов. Серое, плоское, больнично-чистое.

Access Request Registered

Layer: Medico-Financial Temporal Infrastructure

Subject Status: Sovereign Dungeon Entity / Human Neural Capsule User

Conflict of Authority Detected

Warning: Requested protocol intersects protected health telemetry, platform collateral reserves, temporal market settlement and user consent architecture

Ниже мигнула строка:

Proceeding may trigger compliance review

Северьян уже стоял рядом, хотя секунду назад был у защитного контура.

— Закрывай.

Артём смотрел на окно.

Впервые система не сделала вид, что ничего нет. Она не дала описание, но признала пересечение. Медицинские телеметрии. Платформенные залоговые резервы. Рыночные расчёты. Архитектура согласия.

Всё в одной коробке.

Вот чем был украденный сон: не багом, не злоупотреблением, не тайным ритуалом злых магов. Финансовым продуктом, пришитым к медицинскому слою и упакованным в игровую услугу.

Он нажал не «открыть», а «запросить описание прав доступа».

Система ответила мгновенно:

Denied

Reason: Insufficient Medico-Financial Clearance

Notice: Unauthorized analysis of CHRONO_COLLATERAL_EXTRACTION may compromise user safety, market stability and platform compliance obligations

Ниже появилась новая строка, красная, без привычной игровой стилизации.

This access attempt has been logged

Зал стал очень тихим.

Даже данжевые ловушки в дальних коридорах перестали щёлкать.

Северьян медленно закрыл все активные окна, кроме красного предупреждения. Его лицо было неподвижным.

— Теперь они знают точно.

Артём смотрел на последнюю строку.

This access attempt has been logged

Где-то в Гренвелле Нокс, вероятно, уже проходил плановую проверку и улыбался аудиторам так, будто всю жизнь торговал только очередями и ничего не видел под полом.

Где-то в дешёвой комнате Риса собиралась на работу после ночи, которую у неё никто не покупал и никто не просил отдать.

Где-то в реальности Лена читала слишком вежливое письмо клиники и сохраняла каждую формулировку.

А перед Артёмом висело подтверждение: протокол существовал, он был связан с медициной, финансами, рынком времени и согласием пользователей.

Система не открыла дверь.

Она только показала табличку на ней.

И этого хватило, чтобы за дверью начали двигаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.